

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy
Hosted Online from Toronto, Canada
Date: 26th October, 2026
Website: https://econferencia.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Тохиржонов Шерзоджон Шухратжон угли
Независимый соискатель Правоохранительной академии Республики Узбекистан, помощник прокурора города Янгиюль Ташкентской области
e-mail: sherzod.tokhirjonov@mail.ru
ORCID: 0009-0006-8477-4565

Аннотация

В тезисах анализируются возможности совершенствования ответственности за должностные злоупотребления в Республике Узбекистан с учетом статьи 19 Конвенции ООН против коррупции. Рассматриваются различия между использованием формальных полномочий и фактических возможностей служебного положения, соотношение действия и бездействия, а также пределы допустимого расширения уголовно-правового запрета. Обоснована необходимость точной законодательной формулы, исключающей ответственность лишь за авторитет или статус без установления конкретного противоправного поведения.

Ключевые слова: международные стандарты, Конвенция ООН против коррупции, служебное положение, должностные полномочия, уголовная ответственность, правовая определенность, незаконное преимущество.

Эффективность противодействия коррупции во многом зависит от того, насколько точно уголовный закон отражает реальные способы использования публичной власти в частных интересах. Лицо может принимать явно незаконные решения, предоставлять необоснованные преимущества, сознательно не исполнять контрольные обязанности или применять фактическое влияние занимаемой должности. Внешне эти формы поведения различаются, однако их объединяет использование публичного ресурса не в интересах службы. Для национального законодателя принципиален вопрос: какие из названных форм должны рассматриваться как самостоятельные преступления, а какие могут быть охвачены единой нормой.

Особое значение имеет статья 19 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. В ней злоупотребление служебными полномочиями или служебным положением рассматривается через незаконное действие либо бездействие публичного должностного лица при исполнении функций, совершаемое умышленно для получения неправомерного преимущества для себя или другого лица [1]. Существенно, что Конвенция предлагает государствам рассмотреть возможность криминализации соответствующего поведения. Следовательно, речь идет не об императивном предписании дословно воспроизвести диспозицию, а о международном ориентире, реализуемом с учетом национальной уголовно-правовой системы.

Законодательство Узбекистана выстраивает охрану публичной службы прежде всего через конкретные составы преступлений. Статья 205 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за умышленное использование предоставленных должностных полномочий с указанными в законе последствиями. Статья 208 предусматривает ответственность за

бездействие власти, в том числе при предусмотренных ею условиях попустительства преступлению [2]. Такое решение позволяет дифференцировать способы деяния, но одновременно показывает, что международная категория злоупотребления служебным положением шире простой схемы «незаконное распоряжение — неисполненная обязанность». В отечественной доктрине М.Х. Рустамбаев связывает злоупотребление полномочиями с действиями, вытекающими из компетенции должностного лица и направленными вопреки служебным задачам [3]. Подобный подход обеспечивает предсказуемость уголовного запрета: прежде чем говорить о злоупотреблении, необходимо определить источник полномочия и конкретный способ его неправомерного использования. Вместе с тем он оставляет дискуссионным вопрос о воздействии на чужое решение посредством фактического авторитета должности. Если должностное лицо не имело полномочия принять решение, но использовало служебную зависимость другого лица, недостаточно механически квалифицировать его поведение по статье 205.

Сравнительно-правовые решения подтверждают отсутствие единой модели. Статья 285 УК Российской Федерации описывает использование служебных полномочий вопреки интересам службы при наличии корыстной или иной личной заинтересованности и существенного нарушения охраняемых интересов [4]. В уголовном законодательстве Кыргызской Республики используется категория злоупотребления должностным положением, а мотив получения преимуществ выделен в квалифицированную конструкцию [5]. Различия демонстрируют, что государства по-разному сочетают признаки компетенции, цели и последствий. Перенос отдельного иностранного термина без согласования с системой национальных составов способен создать новые коллизии.

Важен и вопрос соотношения международной категории неправомерного преимущества с конструкцией материального вреда. Статья 19 Конвенции уделяет особое внимание целевой направленности противоправного поведения; статья 205 УК Узбекистана связывает оконченность соответствующего преступления с причинением крупного ущерба либо существенного вреда. Смешение этих конструкций недопустимо. Признание противоправной цели без доказанных последствий достаточной для применения материального состава фактически означало бы расширение уголовной ответственности путем толкования, что несовместимо с принципом законности.

Отдельного рассмотрения требует правовая оценка использования личных знакомств и формальных признаков должностного статуса. Само по себе знакомство с руководителем или публичное положение лица не должно превращаться в самостоятельное основание уголовной ответственности. Иное возможно, когда доказано, что должностное лицо использовало институциональную зависимость, служебную подчиненность, доступ к управленческому механизму либо иную связанную с должностью возможность для неправомерного воздействия. Законодатель при необходимости может выделить такой способ отдельно, установив его объективные признаки и исключив ответственность за обычное социальное влияние.

В диссертационном исследовании предлагается рассматривать служебное положение не только как формальную совокупность прав и обязанностей, но и как источник возможностей, которые публичная должность дает для принятия или изменения решений. Эта мысль требует нормативной конкретизации. По нашему мнению, возможная законодательная новелла должна содержать указание на использование объективно обусловленной

должностью возможности, неправомерную цель или характер ее применения, причинную связь и предусмотренные законом последствия. Без указанных ограничителей понятие «авторитет должности» оказалось бы чрезмерно расплывчатым.

Таким образом, международный стандарт ценен не как готовая формула для механического заимствования, а как инструмент проверки полноты национальной криминализации. Совершенствование статьи 205 УК Республики Узбекистан целесообразно начинать с точного определения соотношения полномочия, служебного положения и должностного влияния, одновременно сохраняя четкие границы с превышением полномочий, бездействием власти и иными специальными составами. Только такое сочетание эффективности и правовой определенности обеспечивает действительную реализацию международных антикоррупционных подходов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года. Статья 19. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.

2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII. Статьи 205, 208. URL: https://lex.uz/ru/docs/111457.

3. Рустамбаев М.Х. Курс уголовного права Республики Узбекистан. Том IV. Особенная часть. 2-е изд. Ташкент, 2018. С. 338–341.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Статья 285. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2da8d7a9884839c44d98466e0b1a63101b298844/.

5.Уголовный кодекс Кыргызской Республики. Статья 337. URL: https://zakon.kg/law/uk-kr/st-337/.